

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Первая дуэль

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619805*

Аннотация

«В еженедельном журнале, в повести молодого беллетриста я вычитал следующее:

«Как хороши бывают предрассветные часы, когда вся природа готовится отойти ко сну, когда поля одеваются белой пеленой тумана и усталые, и истомившиеся за день крестьяне гонят свои стада лошадей и других животных на покрытые изумрудной зеленью пастбища под ласковые лучи утреннего солнца. В такие тихие закатные часы мне хочется думать о чем-то недостижимом, несбыточном».

Нужно ли говорить, что меня чрезвычайно возмутили эти странные сумбурные строки. Я поспешил пригвоздить автора к позорному столбу, чтобы отбить у него всякую охоту совать нос в то, что его не касается. ...»

Содержание

I	4
II	8
III	11

Аркадий Аверченко

Первая дуэль

I

В еженедельном журнале, в повести молодого беллетриста я вычитал следующее:

«Как хороши бывают предрассветные часы, когда вся природа готовится отойти ко сну, когда поля одеваются белой пеленой тумана и усталые, и истомившиеся за день крестьяне гонят свои стада лошадей и других животных на покрытые изумрудной зеленью пастбища под ласковые лучи утреннего солнца. В такие тихие закатные часы мне хочется думать о чем-то недостижимом, несбыточном».

Нужно ли говорить, что меня чрезвычайно возмутили эти странные сумбурные строки. Я поспешил пригвоздить автора к позорному столбу, чтобы отбить у него всякую охоту совать нос в то, что его не касается.

Я написал в другом еженедельнике:

«Автор утверждает, во-первых, что в „предрассветные часы вся природа готовится отойти ко сну“. Если „вся природа“ в глазах автора отождествляется с кучкой пьяных гуляк, вышвырнутых за поздним временем из кабака и готовящихся отойти ко сну в придорожной канаве, – мы не поздравляем

автора с таким кругозором. Во-вторых, всему свету известно, что крестьяне *встают* с рассветом, а не *ложатся*. Какой же дурак мог заставить истомившихся за день крестьян гнать стада «лошадей и других животных» на пастбища? Когда крестьяне их гнали? В какой час? Если утром – почему они успели «истомиться за день»? Если вечером – что это за безумные, потерявшие образ человеческий крестьяне, которые выгоняют скот на ночь из хлебов в поле? И как совместить «тихие закатные часы» с «ласковыми лучами утреннего солнышка?». Кто мог написать это? Человек или курица, забредшая через открытое окно на письменный стол отлучившегося за авансом автора? Да нет! И курица прекрасно отличает рассвет от заката... В конце этой белиберды автор меланхолично вздыхает: «В такие тихие закатные часы мне хочется думать о чем-то недостижимом, несбыточном»...

«Что он называет недостижимым? Не то ли, что ему никогда не удастся поумнеть и написать произведение более благоприятное»...

Статейка моя вышла достаточно хлесткой, умной и рассудительной.

Но на другой день ко мне явился длинный худощавый молодец и заявил, что он этого дела так не оставит.

– Да вы кто такой? – спросил я.

– Автор той повести, с которой вы так грубо обошлись...

– Ага! Вы автор? Чего же вы хотите?

– Напишите опровержение вашей статьи.

– Что же я буду опровергать? Что крестьяне встают утром? Моему опровержению даже ребенок не поверит. Что закат бывает на рассвете? С этим даже и вы не согласитесь. Что крестьяне выгоняют скотину пастись ночью? С этим не согласится и самая захудалая скотина. Что же я буду опровергать?

– Хорошо, хорошо, – сказал он. – В таком случае у вас завтра будут мои свидетели.

– Я за этим не гонюсь.

– Это безразлично. Но такую вещь можно смыть только кровью.

– Так, так. Значит, – рассудительно заметил я, – оттого, что вы мне вlepите пулю в лоб, солнышко начнет в тихие закатные часы лить на землю утренние лучи? Вы никогда этого не дождетесь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Хочу сказать то, что у вас не хватит крови, чтобы смыть с нескольких десятков тысяч страниц напечатанную на них вами бессмыслицу.

– Ладно! Когда я прострелю ваше брюхо, вы узнаете, какая это бессмыслица!

– Да, действительно. Можно сказать, что этот довод будет сокрушающим. А пока – прощайте. По коридору прямо, дверь направо.

– Прощайте! Вы обо мне завтра услышите.

– Постараюсь; напрягу слух до последней степени.

II

Двое юношей – хранителей священных традиций чести – явились ко мне на другой день.

– Мы к вам по очень серьезному делу.

– Садитесь. Много работаете?

– Как... работаем?.. Да, вообще, конечно... работаем.

– Я вижу, мы с вами народ занятой, – заметил я.

Юноши, польщенные, улыбнулись.

– Да-с.

– А этот безграмотный осел, – интимно подмигнул я, – отрывает нас от дел.

Юноши вскочили.

– Позвольте! Мы здесь в качестве представителей господина Лелякина и не позволим оскорблять его!!! Потрудитесь взять ваши слова обратно.

– Откуда же вы знаете, что я говорю о нем?

– А вы вот сказали: безграмотный осел.

– Я могу взять свои слова только наполовину: он грамотный осел. Грамотный настолько, чтобы нацарапать окостеневшей рукой бессмыслицу и пристроить ее в журнале.

– Но мы защитники его интересов и не позволим...

Я проницательно взглянул на юношей.

– Значит, вы согласны с ним, что закат бывает на рассвете?

– Нет, не согласны.

– ...ласны, – подтвердил другой юноша.

– Мог ли умный человек написать такую чепуху?

– Не мог.

– Значит, писал дурак?

– Значит, дур... Да нет! Вы не можете так говорить о нем.

Он доверил нам свои интересы.

– Ну да, я понимаю. Однако оставим это в стороне. Оттого, что он доверил вам свои интересы, он ведь умным не сделался? Согласны?

– Да, конечно, это верно.

– Вот и выходит, что, даже и защищая его интересы, вы все время должны помнить, что он дурак. Верно?

Юноши придвинулись ко мне ближе и кивнули головами... После некоторого колебания согласились:

– Конечно, дурак. Сказать правду, нам ужасно противно это поручение. Мы сразу видим, что вы симпатичный, умный человек...

– А тот – какое-то дерево, – подхватил другой юноша.

– Гнилое дерево. Дупло вместо головы, – заметил другой юноша.

– И пишет он так, что его отодрать бы следовало.

Пока оба защитника интересов моего противника обменивались этими замечаниями, я потребовал вина, и мы подняли свои бокалы за то, чтобы литература была избавлена от тупиц и бездарностей.

Потом пришли мои секунданты. Было шумно и весело.

Противниковы юноши дали клятву, что в зависимости от исхода дуэли они поколотят своего доверителя.

III

С рассветом меня разбудили «защитники моих интересов».

– Дайте мне поспать хоть полчасака.

– Нельзя. Уже восход. Противник, вероятно, уже на месте.

– А может, его еще нет. Ведь он путает закат с восходом.

– Может быть, когда он один. Но мы уверены, что секунданты растолкуют ему.

Натягивая брюки, я сострил:

– Его секунданты лучше. Они ему растолковывают, а вы меня расталкиваете.

Тут же я подумал:

«Бодришься? Хочешь показать хладнокровие?»

Лошади повезли нас на место назначения, а я сидел и думал:

«Как трудно быть самим собой, едучи стреляться. Столько я читал, видел пьес и картин на сюжет дуэли, что трудно мне удержаться в рамках естественности. Хорошо было нашим предкам: они стрелялись как бог на душу положит. А я знаю, как держал себя Ленский, Онегин, Грушницкий, Печорин и должен или подражать им, или выдумывать что-либо совершенно оригинальное, что не так-то легко.

Постараюсь держать себя естественно...»

Я закинул голову назад, потом посвистал, потом сложил

руки на груди и злобно улыбнулся.

– Чего тебя корчит? – осведомился секундант.

Тогда я сделал сосредоточенное лицо, нахмурился и стал похлопывать пятку о пятку.

– Нервничаешь? – спросил секундант.

Я засмеялся, ткнул его кулаком в бок и показал язык.

Я убежден: как ни держи себя перед дуэлью – все будет плохо.

До места назначения я сделал три бесплодных попытки: пытался быть 1) рассеянным, 2) грозным, полным зловещего спокойствия и 3) хладнокровным, выдавшим виды, привыкшим к дуэлям бретером.

Последняя попытка вызвала у одного из секундантов замечание:

– У тебя такой вид, что не лучше ли нам вернуться и уложить тебя в постель. У тебя очень нехороший вид.

Мой безграмотный противник был уже на месте. Он ходил крупными шагами по полянке (не помню, по Лермонтову или по кому другому).

Я опустился на камень и под впечатлением обстановки тихонько зашел:

– Куда, куда, куда вы удалились... Господи! Я не боюсь, но помогите мне, Господи, быть естественным.

Я встал и подошел к шептавшимся секундантам.

– Ну, чего же мы ждем, господа?

Защитники интересов моего противника развели руками.

– Ужасная неприятность! Всего один только пистолет!.. Другого никак не могли разыскать. Нельзя же стреляться одним пистолетом?

Необычайно долговязый студент, цель появления которого была мне не совсем ясна, примирительно сказал:

– Отчего же – нельзя? Пусть по жребию – они выстрелят в них или они в них, а затем передадут пистолет противной стороне.

– Я ничего не имею против, – согласился я. – Очень приятно познакомиться. Вы тоже секундант?

– Нет, – сказал этот долговязый гигант, наклоняясь ко мне. – Я приглашен для отмеривания шагов.

Я взглянул на его ноги. Идея пригласить этого человека была не глупа. Ноги его могли обезвредить самого лучшего стрелка. Вероятно, подумал я, когда этот человек наклоняется к ботинку, чтобы развязать зубами затянувшийся узлом шнурок, его голова обрушивается вниз с головокружительной высоты.

– На нет и суда нет, – заметил мой противник, когда ему сказали, что пистолет только один. – Обойдемся. Я предпочел бы, впрочем, как оскорбленный, стрелять первым.

– По жребию, по жребию! – донесся с высоты голос отмеривателя шагов. – Тяните жребий, а я отмерю шаги. Тридцать шагов.

Он провел носком ноги черту на земле и затем, сделав колоссальный прыжок, понесся на своих страшных ходулях в

туманную даль.

– ...Одиннадцать, двенадцать... Двадцать четыре. Двадцать четыре, двадцать семь...

И затем издалека донесся его заглушенный расстоянием голос:

– ...адцать ...евять... идцать!

– Ау-у-у! – крикнули секунданты.

– Ау-у-у!

Тянули жребий. Вышло, что первым стрелять будет мой противник. Он засверкал глазами, лякнул зубами и сказал:

– Ага-а... Вот теперь мы посмотрим, чья возьмет.

Нас поставили на места.

– Начинаем! Раз... два...

Далеко-далеко от меня (хвала Господу, создавшему такие ноги) виднелась фигура человечка. Человечек поднял пистолет, прицелился и, после команды «три», выстрелил.

Не будучи уверен – ранен я или нет, я заблагорассудил не падать до выяснения истины.

Это было очень осторожное решение, потому что по освидетельствовании я оказался целехоньким.

– Ваша очередь стрелять, – сказал запыхавшийся секундант (он только что сбегал к моему противнику за револьвером).

– Куда вы! – закричал он, оглядываясь. – Стойте на месте! В вас же сейчас будут стрелять.

Противник мой, очевидно, был не такой дурак, как я о

нем думал.

Вместо того чтобы стоять на месте в ожидании пули, он приблизился к нашей группе и сказал:

– Господа! Разве вы не знаете, что дуэль запрещена законом?

– Об этом нужно было думать раньше, – закричали секунданты. – Вы первый его вызвали, вы первый в него стреляли... теперь его очередь!

Дуэлянт кротко улыбнулся.

– Я, господа, вероятно, забыл предупредить вас, что я принципиальный противник дуэлей. Да и в самом деле: разве не бессмыслица разрешать принципиальные споры шальной пулей. Прямо-таки стыдно! Я думаю, всякий благомыслящий человек согласится со мною. До свиданья!

Он сделал нам рукой приветственный жест, повернулся и ушел торопливой походкой человека, вспомнившего, что он, уходя из дому, забыл погасить разорительное для экономного хозяина электричество.